

Интервью с Ириной Марковной КОЗИНОЙ

«КАЧЕСТВЕННАЯ СОЦИОЛОГИЯ УЖЕ ДАВНО НЕ НУЖДАЕТСЯ В ОБОСНОВАНИИ СВОЕЙ ЛЕГИТИМНОСТИ»

Козина И. М. — окончила исторический факультет Самарского государственного университета (1984 г.), кандидат социологических наук (1996 г.), профессор, заведующая кафедрой методов сбора и анализа социологической информации департамента социологии факультета социальных наук НИУ ВШЭ (с 2010 г.)
Основные области научного интереса: управление и трудовые отношения на предприятиях, рынок труда и социальная политика, гендерные отношения в сфере труда, качественные методы исследования.
Интервью состоялось: март-сентябрь 2015 г.

Начало последней декады сентября 2015 года. Двенадцать месяцев назад было завершено немногим более 80 интервью, и далекой мечтой казалось достижение сотни интервью. Сейчас их — 131 в галерее книги «Интервью с коллегами-социологами» и еще несколько закончено, но пока не размещено на сайте. Однако, заметное количественное приращение биографической информации — не главный итог проделанной работы. Пару месяцев назад я задумал сворачивать процесс интервьюирования, и это получилось. Уже тогда переход от накопления данных к их анализу представлялся оправданным, сейчас в таком решении вообще не приходится сомневаться.

Принципиально отметить, что не организационные моменты детерминировали решение о завершении процесса интервьюирования (хотя и они учитывались), но методологические. Здесь имеется в виду концепция «матрицы событий», или «событийного каркаса», которые строятся на основе изучения биографий социологов. По своей природе «матрица», или «каркас», это особого рода знаковые модели для описания пространства событий, упоминаемых социологами в наших беседах.

Пока число проведенных интервью оставалось небольшим, в каждом новом «разговоре» появлялись какие-то новые ситуации, значимые для понимания становления и развития социологии или нашего профессионального сообщества. Так постепенно матрица заполнялась. Но по мере увеличения числа интервью, количество новых ситуаций уменьшалась, т.е. в матрице не появлялось новых «клеток». Происходило лишь усиление плотности отдельных зон нашего воображаемого пространства. Имеет смысл говорить о «матрице», или «каркасе», применительно к конкретному поколению, группе последовательных поколений или применительно к всему социологическому сообществу.

Безусловно, рассказанное Ириной Марксовной Козиной образует то уникальное и неповторимое, что составляет биографию отдельного, каждого человека. Здесь – своя предбиография, т.е. история семьи, к которой принадлежит человек, свой путь к профессии и свое движение в социологию. И вместе с тем, во внепрофессиональных аспектах жизни Ирины Козиной и в ее профессиональной деятельности наблюдается многое, что характерно для представителей ее поколения социологов (IV) и следующей профессионально-возрастной когорты (поколение V). И в этом плане биографические сюжеты, приведенные ею, приобретают более, чем личностный характер, становятся поколенческими и даже превращаются в феномены общего историко-научного значения.

Именно такой смысл присущ воспоминаниям Ирины Козиной о ее знакомстве с методологией качественных методов, освоении соответствующего набора исследовательских технологий, накоплении опыта работы в этой исследовательской нише. Особое значение я придаю рассказанному ею в силу того, что фактически одновременно с нею философией и инструменталистикой качественных методов овладевала группа социологов IV и V поколений, интервью с которыми были проведены мною раньше. Это: В. И. Ильин, Е. Ю. Рождественская, П. В. Романов, В.В. Семенова, И.Н. Тартаковская, И. Е. Штейнберг, Е. Р. Ярская-Смирнова и некоторые другие.

Таким образом, представляется возможным дать представительное описание процесса освоения российской социологией – в ранние годы ее постсоветского этапа – теории и методов качественной социологии. Безусловно, это уже общий историко-социологический, более того – науковедческий вывод.

Козина И. М.: «Качественная социология уже давно не нуждается в обосновании своей легитимности»

Ирина, в моем проекте неожиданным для многих, отчасти — для меня, заиграли истории имен моих собеседников. Так, мои интервью с Будимиром Гвидоновичем Тукумцевым, Михаилом Илле, Дмитрием Гаврой, Чеславом Эрастовичем Сымоновичем сразу открывают очень интересные личностные миры и историко-культурные миры...

Александр Филиппов рассказал историю своего отчества — Фридрихович, его отец бы назван Фридрихом в честь Энгельса. Ваше отчество — еще реже, Марксовна. Вы не знаете истории имени Вашего отца? И вообще, насколько Вы знакомы с прошлым родительской семьи?

История моего отчества довольно обычная для того времени, ничего неожиданного, — родители отца поженились в 1930 году, когда оба были студентами и как нормальные комсомольцы, рабфаковцы решили назвать первенца Марксом в честь понятно кого. Надо сказать, что никаких революционных настроений больше за всю свою жизнь они не проявляли: в партию не вступали, дед работал бухгалтером, бабушка фармацевтом. Второго своего сына они назвали уже обычным еврейским именем — Ефим.

Семейная история родительской семьи моего отца и моей мамы достаточно трагичны, хотя вовсе не уникальны для своего времени. Семья отца жила в Смоленской области (оба моих прадеда были, как это сейчас называется, мелкими предпринимателями: у одного была аптека, у другого лесопилка). В войну отцовская семья спаслась чудом: 14 июля 1941 г., за день до того как танковая армия Гудериана вошла в Смоленск, моей бабушке с двумя сыновьями удалось сесть в эшелон авиационного завода, следовавшего в Куйбышев. Но, они поехали дальше — в Свердловск, где жила младшая сестра бабушки — Лиза. В эвакуационном пункте г. Свердловска бабушку распределили по специальности в госпиталь г. Туринска Свердловской области. В этом городе они и пережили войну. Дед воевал, дошел до Кенигсберга, потом его часть перекинули в Манчжурию, куда он и проследовал в 1945 г. через всю страну мимо семьи и Урала. После демобилизации, вернувшись с двумя орденами и 5 медалями, дед не захотел возвращаться в Смоленск, где вся оставшаяся родня погибла, а дедовский дом на берегу Днепра и смоленскую квартиру, где до войны жила отцовская семья, заняли бывшие добрые соседи. В этой деревне Гусево, где жила семья деда, немцы согнали в избу всех евреев, расстреляли из пулеметов и сожгли недобитых. Теперь там мемориальный обелиск жертвам Холокоста, на котором выбиты имена, в том числе, почти всех моих родственников. Ни дед пока был жив, ни отец, никогда в жизни больше туда не ездили. Дед говорил, что нога его не ступит на эту землю.

Из эвакуации семья поехала в Куйбышев к дедовскому другу, который помог устроиться и с работой и с жильем.

Отец окончил политехнический институт и был отправлен по распределению вполне себе к черту на рога — в Якутию, где за 3 года доработал до должности главного инженера электростанции. Эта ссылка, кстати, спасла его от больших неприятностей, когда после «дела врачей» поднявшаяся волна антисемитизма так

и не докатилась до Якутии или докатилась в очень ослабленном виде. Начальник электростанции на всякий случай «уложил» своего молодого специалиста в больницу, где папа и пережил пик административных гонений. Через три года он вернулся в Куйбышев к родителям.

Теперь коротко про мамину семью. Если со стороны отца у меня еврейские корни и, соответственно, «еврейское счастье», то, со стороны мамы — польские. Еврейской родне не удалось пережить Второй мировой, а польская родня почти полностью сгинула уже в Первую мировую. Семья бабушки (маминой мамы) бежала из Польши в 1914 и добралась аж до самой Сибири. К тому времени, как удалось обосноваться в Омске из всей большой семьи (11 детей), осталась только моя бабушка. Она была красавицей, профессии не получила, почти никогда не работала, воспитывала троих детей. Ее муж (мой дед) погиб на фронте, больше замуж она не выходила, моя мама была младшей дочерью. Мама, как и отец — инженер (радиотехник). Из Омска на Куйбышевский авиационный завод она приехала по распределению. Там и познакомилась с папой.

Родители всю жизнь проработали на авиационном заводе, точнее, на испытательном аэродроме при огромном военно-авиационном комплексе, состоявшем из нескольких заводов (папа ушел на пенсию с должности начальника аэродрома, обидевшись на политику развала промышленности 90-х).

Это была неплохая жизнь — все мое детство связано с этой авиационной романтикой, но, тут, наверное, отдельная история.

Авиационная романтика в глазах мальчиков — понимаю, а что романтического видели Вы? Вы жили в Куйбышеве или в военной части? В какую школу Вы ходили, чем она запомнилась?

Мы жили на рабочей окраине под названием «Безымянка». Так называлась железнодорожная станция, где сгрузили и заново отстроили эвакуированные военные заводы. Вокруг них вырос довольно пестрый городской район со «сталинскими» жилыми домами и дворцами культуры с колоннами и прочим заводским соцкультбытом. С аэродромом у меня связано много детских воспоминаний. Родители часто брали с собой, летом я там гуляла в полях, вокруг взлетных полос большое поле с цветами, все самолеты облазила, когда пускали, в радиорубке, где мама дежурила, тоже было очень интересно. У меня даже дома возле письменного стола стоял не стул, а списанное командирское кресло. У родителей была большая компания, жили довольно дружно — были какие-то совместные походы на лыжах, выезды в лес, праздники, песни — и мне очень нравились эти взрослые, веселые, ироничные люди. Было много смешных историй. Помню, один из папиных сослуживцев-летчиков налепил собственный портрет на изображение какого-то из членов политбюро (такие на палках носили на первомайских демонстрациях) и несколько лет торжественно ходил с ним демонстрации, никто и не заметил. Но, никакого особого диссидентства не помню.

Училась я в обычной школе, ближайшей к дому. Училась неплохо, мне все давалась легко, поэтому я особо не напрягалась и учеба меня не очень занимала. Я запоем читала, у нас была огромная библиотека (собственно, и сейчас есть) меня гоняли с этими книжками все детство, пытаюсь с пользой пристроить в какой-нибудь кружок. Дольше всего удалось продержаться в танцевальной студии, без особого, впрочем, успеха. Вершиной моего творчества стало не очень

грациозное исполнение партии пингвина — мама очень хохотала наблюдая мой танец на новогоднем представлении и на этом танцевальная карьера закончилась ко всеобщему облегчению.

Больше всего из школьных предметов мне нравилась история — в ней я узнавала все свои прочитанные книги, и я поступила на истфак. И там я увлеклась археологией. Но, как я сейчас понимаю, не самой наукой а, в основном, антуражем, связанным с экспедициями, раскопками, поездками по разным местам Поволжья. Через три года я уже сама была руководителем экспедиции, вывозила школьный кружок, шумную компанию, состоящую из мальчишек-пятиклассников (вела кружок во Дворце пионеров). Диплом защитила по бронзовому веку. Мой научный руководитель слегка беспокоился по поводу того, что в дипломе нет ни единой цитаты из классиков марксизма-ленинизма и материалов съезда. Ну, не писали они про ямную культуру, сказала я на комиссии, и, в общем, успешно защитилась.

Давайте обозначим время и место вашего студенчества: в каком университете Вы учились, когда Вы поступили? Какие события тогда происходили в стране? Что-либо за стенами университета Вас интересовало?

На истфак я поступила не сразу, и это — отдельная история. К окончанию школы, я определилась только с выбором гуманитарного профиля образования, а выбрать что-то конкретное было сложно. В нашем промышленно-технократическом городе традиционно сильны были технические вузы, а гуманитарное образование — истфак или филфак — давали университет и пединститут, которые, несмотря на огромный конкурс, не очень котировались. Кроме того, после их окончания маячила заманчивая перспектива вернуться в школу учителем истории или литературы. Опять в школу совсем не хотелось. Тем не менее, я поехала подавать документы на истфак. И тут сыграла роль случайность. В очереди на подачу документов, разговорились с соседками, и одна из них сказала, что вот — открылся институт культуры с библиотечным факультетом, он в самом центре города, и там наверно классно, и учиться всего четыре года, только непонятно, о чем это. В десятом классе я поработала месяц в библиотеке волонтером, и мне очень понравилось, — столько книг под рукой, книгохранилище — вообще сокровищница и еще новые поступления, то есть новые, пахнущие типографией книжки два раза в неделю и ты их можешь прочитать первой. Любовь всей моей жизни — книги, и я покинула очередь и поехала «сдаваться» на библиотечный факультет института культуры. (Я вообще быстро принимаю всякие судьбоносные решения, круто меняющие размеренность жизненного пути, порой неудачные). Поступила с первого раза и была счастлива примерно год, потом стало скучно. Самое яркое впечатление от обучения — стройотряд после первого курса (собирали урожай и делали овощные консервы в Тирасполе), куда меня взяли со слезами и скандалами — так как мне не исполнилось еще на тот момент 18 лет, необходимых для такого серьезного комсомольского дела. На следующее лето случилась производственная практика, одним из вариантов ее прохождения была археологическая экспедиция университета. Я поехала и была очарована — несмотря на тяжелый физический труд, вот она настоящая жизнь, настоящее дело и настоящие люди, увлеченные наукой. После этого лета началась жизнь в археологическом кружке, это был узкий круг единомышленников

из студентов и аспирантов-археологов. Мы встречались почти каждый день. В тесную комнатку с девизом на стене «Мы все стажеры на службе у будущего», заваленную бумагами и артефактами, можно было прийти в любое время. Там всегда кто-то был, всегда было дело — что-то клеить, зарисовывать, просто попить чай (или не чай), и главное — общение. В этом кругу мы все чувствовали себя немножко персонажами Стругацких, для которых «понедельник начинается в субботу». Я решила, что мое будущее должно быть связано с этими людьми и с этой работой. Не очень понятно было, как это сделать: нужно либо поступать заново на истфак, либо попробовать перевестись. Когда я пришла в приемную комиссию с изложением своей светлой мечты, меня выслушали, посмотрели оценки и отправили на прием к ректору. Не помню, кто это был, но настроен он был благожелательно, подписал заявление, и я была зачислена с потерей года. Какие-то общие предметы закли, какие-то я досдавала. В университете учиться было тоже не трудно. Поэтому я там появлялась, насколько это было возможно, редко. Больше всего мне нравились не основные, а всякие сопутствующие предметы, например, логика, латынь, древнеславянский и еще был такой странный предмет как нумерология. Вот ее я не освоила и до сих пор так и не поняла, зачем это было. Древнеславянский, кстати, пригодился — я писала курсовую работу об изданиях петровской эпохи, которые хранились в отделе редкой книги областной библиотеки — привет библиотечному факультету! и даже что-то понимала.

Что касается событий в стране, честно говоря, ничего существенного не могу припомнить. Наверно, в конце 70-х начале 80-х ничего особенного и не происходило. Во всяком случае, как я сейчас понимаю, что моя жизнь и жизнь многих моих сверстников протекала где-то параллельно — в кругу своих друзей и увлечений, у кого какие были. Кроме того, на четвертом курсе я вышла замуж, мы отселились от родителей в коммуналку, родился сын, появились понятные заботы молодой семьи, которая пыталась жить самостоятельно.

И вот, Ирина, Вы — историк, специалист по «Бронзовому веку». Как дальше Ваша жизнь развивалась?

Дальше произошел неожиданный поворот к социологии, который и определил мою дальнейшую профессиональную жизнь, и не только профессиональную. В стране был период расцвета заводской социологии, мода на которую докатилась и до нашего промышленного города. Одна из наших преподавательниц возглавила социологическую службу производственного объединения Моторостроительный завод имени Фрунзе. Это было даже по советским меркам огромное предприятие — около ста тысяч работающих. Уходя из университета, она пригласила с собой двух выпускниц (меня и мою подругу). Это показалось новым и интересным делом и, что немаловажно, привлекательным с точки зрения финансовой, так как денег молодой семье с маленьким ребенком явно не хватало. Должность называлась инженер-социолог в отделе научной организации труда. Возглавлял отдел Александр Николаевич Малохатко, который относился к новой социологической службе не как к непонятному и модному аксессуару, а очень серьезно: поддерживал наши начинания и дал возможность сидеть в библиотеке и заниматься самообразованием, что в условиях режимного

предприятия довольно сложно. Я высоко ценю этот опыт и людей, которые меня окружали, поскольку это было время самого интенсивного овладения профессией.

Наши исследования имели два направления: оперативная диагностика и развитие социальных технологий. В рамках первого направления мы изучали морально-психологический климат по методике Морено и со своей социометрией слыли грозной силой — руководство оперативно делало выводы из наших измерений, что нередко выливалось в кадровые перестановки. Теперь я понимаю, что посылали нас на проблемные участки, где эти перестановки и так планировались. Но, тогда мы остро чувствовали свою ответственность и работали очень тщательно. В рамках второго направления мы занимались, в основном, созданием МЖК (молодежный жилой комплекс) — было тогда такое движение, совместный проект молодых специалистов нескольких заводов. Эта деятельность придавала особый смысл работе, поскольку давала быстрые реальные результаты — наши разработки внедрялись, дома строились, молодежное сообщество по принципу коммуны, как нам тогда представлялось, формировалось. Моя первая статья так и называлась: «Использование опыта домов-коммун в социальном проектировании МЖК». Социологии мы учились буквально на ходу — это было время великого самообразования. Мы познакомились тогда с основными трудами советских социологов, в основном, ленинградской школы В. Ядова, О. Шкаратана, Л. Бляхмана, и с работами по социальной инженерии — В. Щербины, В. Дудченко, А. Зайцева. В. Герчикова. А по методике была единственная и неповторимая «Рабочая книга социолога», с которой я буквально не расставалась.

В заводской социологии все было прекрасно: и начальник, и коллеги, и работа, и зарплата. Единственное, что не было прекрасно — режим секретности и пропускная система. Если сначала мне нравилось вливаться в толпу людей перед заводской проходной и чувствовать себя частью рабочего класса, то, потом пропускной режим стал слегка напрягать. И опять судьба подкинула очередной поворот. К тому времени я поступила в заочную аспирантуру к профессору Соломону Герцевичу Басину, который возглавлял кафедру истории СССР в педагогическом институте. В нашем городе пединститут соревновался с университетом, и ректор решил, по примеру университета, создать собственную социологическую лабораторию. Соломон Герцевич порекомендовал меня, как свою аспирантку и мы встретились с Анатолием Алексеевичем Семашкиным — тогдашним ректором пединститута, чтобы обсудить с чего начать, общую концепцию, кого пригласить руководителем. И, неожиданно, в процессе обсуждения, он предложил мне возглавить лабораторию. С его стороны это был рискованный шаг — в то время лаборатории не доверяли недавним выпускникам вузов. Я посоветовалась с Соломоном Герцевичем, который сказал фразу, убедившую меня сразу: «всегда лучше иметь возможность самому руководить, чем подчиняться какому-нибудь чудаку» (здесь он употребил более сильное слово). И я согласилась, предусмотрительно выговорив себе право самостоятельного подбора кадров. Сейчас я понимаю, что мне очень повезло встретиться и общаться с такими людьми старшего поколения, как Соломон Герцевич Басин, Александр Николаевич Малохатко, Анатолий Алексеевич Семашкин. Соломон Герцевич был не просто видным самарским историком, создателем школы

поволжских историков, изучающих различные аспекты истории рабочего класса но, мудрым, внимательным, интеллигентным человеком — есть такой тип русского еврейского профессора. Анатолий Алексеевич и Александр Николаевич — пример настоящих лидеров, умных, понимающих, руководящих по принципу «не мешай людям работать». С Анатолием Алексеевичем — мы дружим до сих пор, хотя и редко общаемся.

Основу социологической лаборатории пединститута составили мои коллеги — заводские социологи, которые перешли вслед за мной, и еще несколько недавних выпускников университета. Мы познакомились и начали сотрудничать с замечательными Будимиром Гвидоновичем Тукумцевым, Анной Семеновной Готлиб и другими сотрудниками социологической лаборатории университета.

Время создания лаборатории совпало с началом перестройки, вокруг все бурлило. Довольно скоро мы стали самостоятельны, организовав на базе лаборатории хозрасчетный центр «Социо», Это было с одной стороны — отлично, с другой — создавало массу проблем. В институте на нас стали поглядывать косо, нужно было заботиться о заказах, налогах, оборудовании и еще массе мелочей, о которых до этого я не имела представления. Пришлось учиться. Очень помогли друзья по оргкомитету МЖК, многие из которых вполне успешно занялись бизнесом. Они были первыми заказчиками, помогали с бухгалтерией и пр. Центр разрастался, пришли новые люди, среди них Ира Тартаковская и Паша Романов, ставшие известными социологами. Начинались тяжелые времена, но, мы радовались свободе, чувствовали подъем и верили в будущее. Я приведу выдержки из шуточного манифеста, который написал один из наших тогдашних сотрудников — Игорь Иляшов. Мне кажется, что это достаточно точно передает дух того времени и наши настроения:

«О великих и малых достижениях соцлаба и центра «Социо».

Наши достижения непомерно велики по сравнению с тем, с чего мы начали и несравненно малы по сравнению с тем, что нам еще предстоит. Кучка бродяг интеллектуального мира ныне стала могучей силой в борьбе за и в борьбе против. ... О наших недостатках: во-первых, мы не восприимчивы к критике. Во-вторых, мы не любим критиков. Мы любим критиковать. И гордиться. ... Теперь о нюансах: нюанс 1. У нас слишком большая зарплата, по сравнению с общим уровнем зарплат вузовских социологов; нюанс 2. Но, слишком маленькая для нынешних цен. ЦЕН!!! Нюанс 3. Оглашению не подлежит. ... Социология — это наша жизнь, это революция, это бессонные ночи лаборантов, это вторая форма хозрасчета — великая праматерь третьей и т.д. ... Социология — это борьба. За доставание бумаги, чистоту у компьютера, телефон, чернила для принтера, дешевые и дорогие визитки, право перекуров, свободу опозданий, переименование опозданий в задержания, стол, порой хороший стул и т.д.

Ваш рассказ ввел меня в знакомую среду, к настоящему времени проведены интервью с рядом Ваших самарских коллег: с А. С. Готлиб, И. Тартаковской, Б. Г. Тукумцевым, покойным Павлом Романовым... Как долго Вы работали в «Социо»? В какой области или в каких областях социологии лежали Ваши собственные интересы?

Наш исследовательский центр формально просуществовал до 2003 года, потом он был реорганизован в автономную некоммерческую организацию, и я работала там вплоть до переезда в Москву в 2006 году. Было много исследований на самые различные темы: от электоральных и маркетинговых опросов до весьма специфических. Помню, например, исследование о русской бане, как факторе формирования соседских сообществ. Мы зарабатывали деньги и не отказывались ни от чего. Команда у нас была потрясающая: молодые, дружные, открытые всему новому. Недостаток знаний компенсировался энтузиазмом и кооперацией — все занимались всем: выборками, анкетами, анализом данных. В 1989 году я отправилась повышать квалификацию на Высшие социологические курсы, одним из руководителей которых была моя близкая подруга, социолог Галя Михалева. В начале 1990-х годов эти курсы стали не только основой профессиональной подготовки для региональных исследователей, но и площадкой для общения с интеллектуальной социологической элитой — российской и зарубежной. Нам читали лекции и вели дискуссии М. Кастельс, Э. Гидденс, С. Кларк, В. Ядов, Б. Грушин, А. Гофман, О. Маслова и многие другие. Это был колоссальный социальный опыт, по сути, открытие нового мира. Слушатели курсов в дальнейшем составили костяк секции молодых социологов при советской, а затем, российской социологической ассоциации, со многими мы потом работали вместе в разных проектах. Пребывание на курсах совпало со временем эйфории от политической свободы, Москва бурлила митингами, и мое пребывание на курсах было связано с разной активностью: я стажировалась у Б. Грушина, по мере сил участвовала в политической тусовке вместе с Галей Михалевой, Сергеем Митрохиным и другими людьми, которые впоследствии составили ядро партии «Яблоко». Но, главное — я на курсах мы познакомились с британским социологом, профессором Уорвикского университета — Саймоном Кларком, который был одним из приглашенных зарубежных преподавателей. Эта встреча, которая переросла в дружбу и долгие годы сотрудничества, стала поворотным событием и в личной биографии, и в истории нашей самарской исследовательской группы.

С 1991 года мы начали работать в составе межрегиональной исследовательской команды под руководством Саймона Кларка (через пару лет мы объединились в Институт сравнительных исследований трудовых отношений (ИСИТО) и у нас появилось магистральное направление исследований). ИСИТО был грандиозным долгосрочным проектом, состоящим из цикла разных исследований, посвященных формированию рынка труда и трансформации трудовых отношений в России. Его результатом стали около двадцати книг и сотни статей на английском и русском языке. Другой результат — формирование межрегиональной команды, состоящей из очень разных людей, которые почти 20 лет жизни посвятили совместным исследованиям процессов развития капитализма в России. Работа в проектах ИСИТО была отличной школой профессионализма и человеческих отношений, поскольку общались мы, несмотря на расстояния, очень плотно — по несколько раз в году собирались вместе на семинары и своеобразные школы (иногда они длились месяц), где обсуждали результаты, планы и методологию наших исследований. Это задавало такую высокую планку, что до сих пор мешает жизни «после ИСИТО» и, наверно, не только мне — все как-то не дотягивает до наших стандартов. Сейчас почти все «иситовцы» стали известными

социологами, профессорами, проректорами, заведующими кафедрами, руководителями исследовательских фирм. И хотя живем в разных городах, мы «одной крови», сеть существует, и мы чувствуем поддержку на расстоянии.

Мои интересы вполне закономерно сложились в рамках этих проектов. В 1990-х было легализовано понятие трудового конфликта, по стране прокатилась волна забастовок, начали образовываться альтернативные профсоюзы. Это были совершенно новые процессы, казалось, что рабочее движение, затухающее на западе, возрождается в России. Проблемы трансформации промышленности, изменение социальной роли рабочих, новые профсоюзы — эти темы меня очень увлекали. Тем более что заводская жизнь была знакомым полем. И другое направление было связано с тем, что в рамках проекта я как-то постепенно начала заниматься методическим обеспечением исследований. По натуре я, как говорил Паша Романов, стихийный реалист, то есть, скорее, практик, чем теоретик, предпочитающий работать более с конкретными вещами, нежели с сконструированными типами. Это было созвучно основной идее проекта — уделять больше внимания изучению и пониманию российской специфики, не заикливаясь на заимствованных у западных авторов моделях анализа социальной реальности. Наши исследования, в основном, представляли собой лонгитюдные развернутые кейс-стади, то, что сейчас называют «mixed methodology», где опросы, сочетались с включенным наблюдением в широком понимании этого термина.

Если с количественными методами мы были более-менее знакомы, то про качественные методы в те годы не знали ничего и осваивали их по ходу работы, так что обучение методам было «производственной необходимостью». Пришлось осваивать целые рулоны текстов, присланных по факсу, а затем и привезенных из Англии книг про кейс-стади, включенное наблюдение, интервью. Все на английском языке, которого я не знала, так как учила немецкий. Одновременно, в 1992 году я поступила в аспирантуру к Ольге Михайловне Масловой, лучшему специалисту по методам, которая, помимо всего прочего, очень поддерживала внедрение в исследовательскую практику качественных методов, наверно единственная во всем Институте Социологии. В 1996 г. я защитила, как мне кажется, одну из первых кандидатских диссертаций в России по качественным методам под названием «Теоретические и методические проблемы кейс-стади как стратегии социологического исследования», которая представляла собой смесь компиляций из зарубежных источников с попытками осмысления опыта наших исследований. Это был почти разгар дискуссии между «количественниками» и качественниками («ку-ку» дискуссии, по меткому выражению Инны Девятко) и народу на защиту набился полный зал.

Поскольку Ваша работа была пионерной в области качественных методов, пожалуйста, вспомните, какие проблемы Вы обсуждали с О. М. Масловой, кто был Вашим оппонентом, что удалось показать в диссертации.

Я не очень хорошо помню подробности, но, общение с Ольгой Михайловной всегда было радостью. Мы много говорили о методолого-методической культуре исследования в целом. Основная идея была в том, чтобы показать на примере конкретного исследования самодостаточность метода, его самостоятельный, а не комплементарный характер, как мы привыкли рассматри-

вать всякие неформализованные наблюдения и интервью. Поэтому диссертация была, может быть, более скрупулезная, чем те, тексты, которые обычно сопровождают качественные исследования. Такое методическое занудство.

Но, мне кажется, что работа получилась неплохая, поскольку ее буквально разобрали на цитаты. До сих пор встречаю абзацы, а то и целые страницы в чужих учебниках. Часто без ссылок. Меня это мало волнует, главное, что читают ведь. Оппонентами на защите были Леонид Григорьевич Ионин, как специалист по антипозитивистским теоретическим концепциям в социологии, и Марина Малышева. В то время она в Московском гендерном центре занималась переводами текстов по качественным методам в гендерных исследованиях. Несмотря на то, что некоторым членам совета, наверно, сам метод не представлялся научным, защита прошла успешно, сама фактура исследования была убедительной и оппоненты в основном хвалили. Владимир Александрович Ядов очень вдохновенно выступил в защиту методического разнообразия, лишь бы исследование было хорошим. А вот Геннадий Семенович Батыгин с защиты ушел, сказав мне перед этим примерно следующее: «то, чем Вы занимаетесь, я принципиально не приемлю, но, лично Вы мне симпатичны, поэтому голосую «за» и ухожу».

Вы не можете мне сказать, почему в то время Г. С. Батыгин не принимал качественные методы? Мне кажется, что позже его отношение к ним несколько изменилось.. так ли это?

Свое скептическое отношение к качественной методологии Геннадий Семенович обозначал совершенно четко – письменно и устно. Это его позиция, которую он отстаивал с присущей ему последовательностью и интеллектуальной честностью. Да, он использовал биографические интервью и писал о Чикагской школе, но, в рамках истории социологии, а не эмпирических исследований, где «сингулярности молчат». Не берусь судить, изменил ли он позже свое отношение или нет, просто не знаю – мы не особо часто общались и, к сожалению, уже не спросишь, и не поспоришь.

Мое личное впечатление, что довольно долгое время на критику качественных методов особо и возразить было нечего. Это сейчас качественные методы более чем признанная область социологии, как к ней ни относиться. А в самом начале, в середине 1990-х, мы были больше озабочены тем, чтобы донести наши наблюдения за стремительно изменяющейся реальностью, чем дать адекватные методологические пояснения. За что выслушивали обвинения в том, что то, чем мы занимаемся – не наука, а если наука, то не социология, а если социология, то мы просто не умеем проводить нормальное исследование, потому что не знаем что такое хи-квадрат. Это был довольно трудный переход от языка переменных к языку кейсов и к пониманию того, что строгость методической процедуры далеко не всегда означает сборник рецептов. А тогда, выслушивая на разных семинарах критику в отношении качественных методов, я с ужасом понимала, что я-то, скорее, на стороне «врага», то есть вполне себе за репрезентативность и хи-квадрат, и куда меня бедную занесло.

Этому есть, конечно, объяснение. Тогда российские социологи, вернее, отдельные группы социологов только начинали осваивать новые подходы. И у каждой группы был собственный заграничный гуру с собственным методологическим кредо – Даниэль Берто, Теодор Шанин, Саймон Кларк. Мы работали

достаточно изолировано, я только позже познакомилась с Викторией Семеновой, Леной Рождественской, Ильей Штейнбергом и другими коллегами по «качественному цеху».

Ира, все рассказанное Вами очень интересно еще и в том отношении, что — пусть косвенно и фрагментарно — указывает на некоторую полноту информации, полученной мною от тех наших коллег, которые занимаются качественными методами. Так получилось, что к настоящему моменту мною проведены интервью с Еленой Рождественской, В. Семеновой, и И. Штейнбергом (добавлю: М. Масловского, П. Романова, И. Тонконогую, Е. Ярскую-Смирнову) и, конечно, они рассказали о влиянии на их профессиональное становление Даниэля Берто и Саймона Кларка. Что касается роли Теодора Шанина, то она мне давно известна и из многих источников. Меня очень интересует, чтобы Вы теперь, по прошествии лет, ответили бы тем (и новым) Вашим критикам? Или теперь и особо агрессивных критиков нет?

Качественная социология уже давно не нуждается в обосновании своей легитимности, — студентов качественным методам учат, правда, учебников маловато, в журналах множество публикаций, выполненных на качественных данных и т.д. Поэтому, если где-то вдруг появляется вялая попытка реанимировать дискуссию, то, выглядит это довольно уныло, без былого огня в глазах и пены у рта. Очевидно, что такое размежевание в социологии, по крайней мере, на идеологическом уровне, себя исчерпало. Наше социологическое сообщество уже привыкло к мысли о разнообразии методологических подходов, разделив более-менее решаемые ими классы задач.

Другое дело, что по-прежнему актуальна критика конкретной реализации качественного исследования, не самих подходов. Это общая проблема исследователей, работающих в качественной традиции. Строго говоря, универсальных алгоритмов в качественной социологии в принципе нет, качественный подход — «открытая технология», которая каждым автором используется по-своему. Это часто создает впечатление, что здравый смысл и собственная логика рассуждений исследователей, доминируют в формировании научных знаний. И здесь мы, следуя конвенциональной научной логике, так и стоим в позиции вечного оправдания. Будь ты феноменологом, позитивистом или еще кем, любое исследование нуждается в подробных экспликациях. И это важно делать, обращаясь хоть к каким-то объяснениям надежности и валидности. И качественная социология неоднородна. Одни видят суть качественных методов в доверии собственной субъективности, другие ищут пути повышения научной строгости качественных исследований, третьи, судя по некоторым публикациям, видят смысл исследования не в результате, а в самом процессе понимания «другого». Как мне кажется, в самой социологии (если не забредать на чужую территорию — культурной антропологии или этнографии, к примеру), качественные методы остаются очень рациональным проектом. Они «работают» на конкретные цели и задачи исследования, вместе с количественными или отдельно, то есть, чаще всего, напрямую не связаны с парадигмой. Поэтому в исследовательской практике разделение на качественников и количественников непродуктивно, профессионал ставит задачу и умеет определить и применить адекватные для ее решения методы.

Вы рассказали, как в Москве учились в аспирантуре и в 1996 году успешно защитили кандидатскую диссертацию. Что потом было? Когда Вы переехали в Москву?

Потом было еще 10 замечательных лет работы в нашей команде под руководством Саймона Кларка. Много полевых экспедиций по стране, статьи, отчеты зарубежные конференции и, конечно, общение, наши семинары, где все оценивалось по гамбургскому счету. Одновременно, я продолжала учиться, в этом очень помогли курсы повышения квалификации, которые существовали (и продолжают существовать) в институте социологии под руководством Сергея Кухтерина. Я прослушала несколько таких курсов. Анализ данных с Олегом Крыштановским (до этого мы с коллегами тренировались в регрессионном анализе в Стэнфорде, с Валерой Якубовичем, но, другие виды анализа знали плохо). «Подтянула» теорию, и я очень благодарна Инне Девятко, которая блестяще вела этот курс. Мы были первыми слушателями, и это была отличная группа очень сильных социологов из регионов. Со многими мы до сих пор дружим, а с Леной Плотниковой из Перми, Ларой Петровой и Машей Бурлуцкой из Екатеринбурга потом вместе работали в проектах ИСИТО, когда Саймон решил «прирасти» проект Сибирью. Потом я сама в течение нескольких лет читала курс по кейс-стади на этих курсах и еще в Казанском университете.

В жизни нашего самарского центра, тем временем, происходили разные события. В пединституте сменили ректора и буквально через пару месяцев после этого нас оттуда попросили. Пришлось срочно решать, как жить дальше, и главное, где. Нашли помещение бывшего магазина на первом этаже жилого дома, отремонтировали, устроились. В одной комнате устроили фокус-рум. В наследство нам досталось всякое торговое оборудование, например, стеклянные витрины, которые мы не выбросили, а красиво разложили на них свои папки и книги. А еще местные алкоголики, которые по привычке навевались купить у нас чего-нибудь выпить и долго сокрушались, что вместо полезного во всех смыслах учреждения, теперь фигня какая-то непонятная. Обрели еще одно юридическое лицо с ограниченной ответственностью, чтобы проводить коммерческие проекты, приняли бухгалтера. Пришлось познать все прелести российского малого бизнеса (сейчас пишу статью о социальной защищенности в малом бизнесе по материалам исследования этого года — похоже, что почти ничего не изменилось). Налог за то, налог за это, за свет заплати, за воду заплати, проверки, пожарники, администрация требует с нас, как с предпринимателей обновить фасад дома за свой счет...

В общем, готовились стать полноценной опросной фирмой, поскольку со временем исследовательское поле сужалось, грантов стало меньше и, соответственно, полноценных проектов тоже становилось меньше, зато рос заказ на маркетинговые исследования. Развиваться, да и просто выжить можно было, только наращивая обороты. Это был прямой путь в полстеры. Но душа к этому не лежала. К тому времени я начала понимать, что мои стандарты хорошего исследования несовместимы с тем, что предлагал сложившийся рынок. Мы капризничали, отказывались от проведения «неинтересных» полей, предпочитая исследования полного цикла, чтобы с разработкой инструмента и с анализом. Поля выходили дорогими, так как холили и лелеяли интервьюерскую сеть, проводили с интервьюерами полноценные тренинги, платили по-честному —

больше, чем другие фирмы. Поэтому экономический агент из нас получался так себе. Коллеги по цеху называли нашу контору социологическим бутиком — штучно, качественно, дорого. В общем, такая у нас была ниша на рынке. Но, в целом, становилось скучно, рутина постепенно затягивала.

Для меня все изменилось в одночасье, умер муж, внезапно, в экспедиции от тромбоэмболии легочной артерии. Меня как будто выключили. Год прожила как во сне. Работала как автомат, общение давалось с трудом, я почти не помню этот год жизни. Вырваться из этой депрессии казалось невозможно, и когда меня пригласили в Высшую школу экономики в только образованный Институт управления социальными процессами, я согласилась, почти не раздумывая.

Это был 2006 год (?), совсем недавно... чем Вам предложили заниматься? Аналитическая или преподавательская деятельность?

Точнее — конец 2005 года. Позиция была по названию административная — заместитель директора, а по сути, исследовательская. Институт возглавила Татьяна Четвернина, мы были знакомы по работе в совместных проектах. Все сотрудники нового института были экономистами из Института экономики РАН, а для проведения эмпирических исследований нужен был социолог. Мы занимались исследованиями в области труда и занятости, социальной политики и корпоративного менеджмента. Самый большой консалтинговый проект для «нефтянки», который длился несколько лет, был посвящен качеству трудовой жизни и профсоюзам. Как раз моя тема. Мы разработали методику измерения уровня развития трудовых отношений и успешно ее реализовали на многих предприятиях. Это были ежегодные полевые работы, где мы все делали сами, выезжали в экспедиции, по 5 тыс. человек опрашивали. Были в Нижневартовске, Норильске, Оренбурге, Рязани, Питере, наблюдали реальную экономику в действии.

По сути, это своего рода возврат к заводской социологии, хотя на другом уровне, в рамках интенсивной полевой работы: все просто мелькало перед глазами, цеха, буровые, рабочие курилки, кабинеты начальства. Помимо этого каждый год мы проводили фундаментальные исследования — по социальной защищенности населения, проблемам трудоустройства и службы занятости, заемному труду. Много интересных проектов.

Если можно, каковы самые общие результаты этого исследования? Интересно, что же в области социальной защищенности населения, проблем трудоустройства и других направлениях трудовых отношений произошло за два постперестроечных десятилетия. В каком плане это было время потерь, в каком — периодом приобретений? Были ли обобщены итоги этой работы в книге или все растеклось по статьям и докладам?

Вы задали вопрос, на который должен последовать очень обширный ответ — за два десятилетия российская система трудовых отношений эволюционировала от государственного патернализма к рыночным механизмам регулирования, на ходу теряя тапки. Социальные контракты, действовавшие в рамках системы советского типа, гарантировали пусть не очень качественное, но устойчивое и равномерное (а значит в представлении большинства людей справедливое) удовлетворение базовых потребностей. В начале 90-х годов они были буквально

сметены реформами, что привело к резкому ослаблению защищенности в сфере труда. Люди столкнулись с неведомыми им раньше явлениями: безработица, административные отпуска, невыплаты заработной платы и пр. Работники не имели никакого опыта трудовых отношений, поскольку советская система была несовместима с самой постановкой вопроса об «отношениях», роль профсоюзов как проводников политики партии и правительства исключала возможность какого-либо представительства интересов работников. Поэтому трудовые отношения развивались по законам жанра, — забастовки являлись постоянным фоном производственных отношений в России на протяжении 1990-х годов.

Когда спад в экономике сменился ростом, трудовые конфликты пошли на спад. Одновременно происходило ужесточение политического режима. «Кто сядет на рельсы, тот сядет», — так В. Путин определил свое отношение к борьбе за права работников еще в начале своего первого срока. Но, экономический рост не привел напрямую к росту защищенности и укреплению позиций работников в сфере труда, качество большинства рабочих мест осталось низким. Социальные аспекты изменений (такие как развитие социальных институтов, укрепление социально-трудовых прав) остаются неразвитыми. Об этом свидетельствуют невысокие оценки возможностей защиты трудовых прав, пессимистические ожидания, связанные с выходом на пенсию, распространенность дискриминационных практик в сфере труда.

Долгосрочный горизонт стабильности — основная потеря этих лет и это касается всех работников, занятых по найму. Краткосрочные контракты всех видов постепенно приобретают статус правила, а не исключения, даже в такой консервативной сфере, как образование. В совокупности с отсутствием эффективных механизмов защиты в сфере труда, мы прощаемся с правами и льготами, которые обеспечивали трудовые отношения, сложившиеся в течение всего прошлого века. Это, безусловно, общая тенденция, а не специфика России, но, мы отягощены и собственными проблемами. Позаимствовав европейскую модель социального партнерства, мы плюхнули ее на неподготовленную почву, волевым решением исполнительной власти «сверху». В этой модели государство уходит от регулирования трудовых отношений, все меньше правил формулируется на национальном уровне, социальным партнерам или договаривающимся сторонам предоставляется большая свобода устанавливать стандарты, начиная от типа трудовых контрактов до уровня зарплат. Но, ни профсоюзы, ни отдельные работники не имеют достаточной силы, чтобы вести эффективные переговоры и влиять на формирование существенных условий труда. Наши исследования показывают, что профсоюзный аппарат на любом уровне не защищает интересы работников, а оказывает услуги в сфере регулирования трудовых отношений, имея в качестве целевой группы субъектов с противоположными интересами (наемные работники и работодатели). Согласно теории Володи Ильина, это такая модель профсоюза-фирмы. Новые, так называемые альтернативные профсоюзы более близки к классическим принципам тред-юнионизма, но объединяют пока довольно узкий слой радикально настроенных рабочих.

На мой взгляд, слабость системы регулирования трудовыми отношениями привела к диверсификации их внутри страны, и формированию разных моделей социально-трудовых отношений, скорее характерных для определенных секторов экономики и категорий занятых, чем для страны в целом. То есть, занятое

население в плане социальной защищенности неоднородно. Его различные категории и сегменты обладают разным уровнем социально-экономической защищенности и имеют различные зоны уязвимости. Несравнима, например, защищенность работников, занятых в госсекторе и в малом бизнесе. Хотя вопрос об оптимальном уровне и допустимых минимальных и максимальных границах защищенности является одним из наиболее проблемных.

Но, в этом плане я, скорее оптимистка. Все-таки структуры и механизмы переговоров созданы, они должны заработать!

К сожалению, книгу все еще пишу и никак не пишу. Уже написала почти все главы и даже выиграла конкурс на издание монографии. Но, все время появляется новый материал и хочется чего-нибудь добавить.

Сколько лет Вы проработали на «административной по названию, но исследовательской по сути» должности? Как потом развивались события Вашей профессиональной жизни?

Проработала в институте пять лет, в 2010 году мне предложили возглавить кафедру методов сбора и анализа социологической информации на факультете социологии. Для меня это было радикальной сменой основной деятельности: из науки в преподавание, которое до этого занимало, конечно, какую-то часть жизни, но небольшую. Все перевернулось, преподавание стало занимать всю жизнь, а наука отошла на второй план — я продолжаю вести исследовательские проекты в институте (на условиях внутреннего совместительства), но, времени на то, чтобы углубиться в проект, катастрофически не хватает. Это проблема, которая сейчас касается всех вузовских преподавателей. На новой должности, особенно на первых порах, было совсем нелегко, новые люди, новые обстоятельства — все эти учебные планы, нагрузки, комиссии, ни с чем этим я раньше не сталкивалась, поэтому адаптировалась долго и с трудом. Я думаю, что хорошо адаптируются к вызовам нашей системы образования, только те, кто был включен в эту систему с молодости. Хотя сейчас она всем приносит много сюрпризов.

Я не знаю вашей системы обучения: как в прежние времена в СССР, т.е. студент не мог выбирать курсы, он изучал то, что было в сетке расписания, или у вас есть лист курсов по методам сбора и анализа информации и сам студент решает, какие курсы он хочет изучать? На Ваш взгляд, каким группам методов студенты отдают предпочтение? По каким темам, скажем, в этом году, студенты готовят свои выпускные работы?

Я тоже хорошо помню, как мы учились в советское время, даже мысли не возникало, что можно что-то выбрать самостоятельно. Сейчас у студентов, безусловно, гораздо больше свободы. Есть пул обязательных дисциплин, но, определенную часть курсов студент может выбрать самостоятельно, в том числе и на других факультетах. Я полагаю, что это разумная практика, в наше время, когда трудовая жизнь наполняется неопределённостью, важно иметь возможность приобрести разные компетенции. Факультет социологии, в этом смысле до последнего времени был территорией свободы, думаю, что в значительной степени благодаря Вадиму Радаеву. Методы есть и в числе обязательных дисциплин, и в числе элективов — курсов по выбору. В обучении методам приходится всегда держать руку на пульсе. Массу новаций выдает индустрия маркетинга, смежные

дисциплины и всяческие гибридные технологии. Вот, например, data mining, чего здесь больше, математики или программирования? Стараемся привлекать узких специалистов для чтения элективов или мастер-классов. Кроме того, у нас есть специализация «Прикладные методы социологических исследований». Студенты, выбравшие эту специализацию весь последний год бакалавриата, занимаются, в основном, методами. В этом году мы выпустили около 60 человек (это больше половины потока), так что, методы очень востребованы. К диплому по нашей специализации предъявляется требование методического приоритета — проведение методических экспериментов, «изобретений на применение» новых методик, шкал и прочее. Поэтому темы дипломов весьма разнообразны. Могу привести в качестве примера темы некоторых моих дипломников этого года. Качественные исследования: «Индивидуальные стратегии преодоления бедности», это анализ лонгитюдных качественных данных, тема новая и практически неразработанная. «Градостроительный конфликт как фактор формирования городского сообщества» — это сравнительное кейс-стади. «Частичный» дауншифтинг как альтернативный «жизненный проект», исследование построено на глубинных интервью с редкими носителями этих новых практик. И еще две работы совсем другого плана, которые посвящены одной теме — изучению миграционных установок и траекторий миграции выпускников российских вузов. В одной работе рассматриваются возможности анализа соответствий применительно к данной теме, другая представляет смешанный дизайн, в ней последовательно использованы 7 различных методов, от регрессионного анализа до глубинных интервью и анализа когнитивных карт.

Каким группам методов отдается предпочтение, трудно сказать, никто не считал. По моим ощущениям количественных работ больше. Полагаю, что это связано с несколькими обстоятельствами. Во-первых, на кафедре просто больше специалистов по количественным методам, чем по качественным. Во-вторых, для «количественных» дипломов собрать собственные данные почти нереально, используются готовые базы, что, несомненно, проще. Наконец, критерии оценки количественных работ более четкие, меньше риска субъективности. Тем не менее, многие студенты идут по пути проведения своего небольшого, но, самостоятельного исследования (и здесь качественный подход — методология открытий) или выбирают комбинирование качественных и количественных методов. Интересных и грамотных работ много, и здесь я не хвастаюсь, а констатирую факт: наши выпускники «снимают весь банк» на всероссийских конкурсах дипломных работ!

Есть ли на Вашей кафедре аспирантура? Если есть, пожалуйста, назовите темы, по которым в последние годы были защищены кандидатские диссертации?

Привязки аспирантов к кафедре теперь нет, есть общая аспирантская программа по социологии и неважно преподаватель какой кафедры руководит аспирантом. Вообще кафедральная система организации уходит в прошлое. Во всяком случае, у нас в университете и кафедр почти не осталось, сейчас вводится другая, весьма жесткая и централизованная система руководства учебным процессом и преподавателями. У нас не очень активно защищаются, но, это общая проблема, а не проблема кафедры. Было несколько защит за последние годы на разные темы: алгоритмы заполнения пропусков, концептуальный ана-

лиз подростковой толерантности, метод фокус-групп. В этом году должна выйти на защиту моя первая аспирантка (не сглазить бы). У нее, на мой взгляд, очень неплохая работа и в плане методологии (это кросс-культурный анализ России и Франции), и тема вполне актуальная: анализ феномена стресса на работе.

Ирина, Вы очень много сделали, причем — в разных направлениях. Если в Ваших планах на ближайшие годы подготовка докторской диссертации?

Жизнь моя идет не по плану, почти все, что сделала, не планировалось, а случилось. В ближайшие годы надеюсь все-таки дописать книгу о трансформации трудовых отношений, но, защищать докторскую не буду. Надо было сделать это раньше, а сейчас не вижу смысла тратить время на утомительные процедуры. Еще хочу подготовить учебник по качественным методам, вместе с коллегами. Если получится.